

Вельский районный краеведческий музей
имени В.Ф. Кулакова Архангельской области
Шенкурский районный краеведческий музей
Архангельской области

ВАЖСКИЙ КРАЙ:
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА
Исследования и материалы

Выпуск 5

1449067

ВЕЛЬСК
2012

СОДЕРЖАНИЕ

**Часть I. ПОВАЖЬЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ:
МАТЕРИАЛЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(г. Вельск, 20–22 октября 2009 г.)**

Предисловие. Г.А. Веревкина	5
Раздел I. История	
<i>Едовин А.Г.</i> Мезолитический комплекс стоянки Пуйское озеро I (бас- сейн Ваги)	7
<i>Плотников Н.Н.</i> Финно-угорская гидронимия Верховажского района	16
<i>Щипин В.И.</i> П.М. Леонтьевский и его народническое окружение	31
<i>Глаоких С.А.</i> Моряки-вельчане – участники русско-японской войны 1904–1905 гг.	38
<i>Трошина Т.Н.</i> К вопросу о Вельском «Союзе хлеборобов»	60
<i>Онучина И.В.</i> Дмитриевы с Вели: семейные предания	80
<i>Зыкова Т.Н.</i> Вице-адмирал В.Г. Кичев: служение Родине и науке	87
<i>Попова И.И.</i> Верховажский краевед Владимир Николаевич Филипов- ский	103
Раздел II. Культура. Музей и современность	
<i>Кольцова Т.М.</i> Иконография преподобного Варлаама Важского	111
<i>Шангина И.И.</i> Вышивка Важского края	119
<i>Веревкина Г.А.</i> Деятельность Вельского краеведческого музея в 1940–1950 гг.	127

- Завьялова А.В.** Верховажский музей – центр художественной жизни района 136

- Зимина Т.А.** Полевые исследования традиционной культуры в Вельском районе Архангельской области в 2003–2006 гг. 144

- Луцковская Е.Ф.** Экспедиции в бывший Амбурский скит: из опыта Северодвинского городского краеведческого музея 156

Раздел III. Источники. Источниковедение

- Киналь Е.Н.** Коллекция икон Вельского краеведческого музея 165

- Цаплина Т.Н.** Фотографии храмов Вельского уезда в собрании Вельского краеведческого музея 171

- Санакина Т.А.** Клировые ведомости как источник сведений о священно- и церковнослужителях Вельского уезда Вологодской епархии 181

- Кондратьева В.Г.** Материалы переписи населения II половины XIX в. как источник по истории развития промыслов и ремесел в Поволжье (на примере Шенкурского уезда Архангельской губернии) 187

- Баранова О. Г.** Важская роспись в коллекциях Российского Этнографического музея 206

- Смирнова М.А.** «Изучая прошлое, мы намечаем перспективы будущего» (архивные источники о деятельности вельских красаведов в 1920-е гг.) 216

- Ламова С.В.** Документы из семейного архива Чуркиных-Малыцевых в фондах Верховажского исторического музея 223

Часть 2. ВАЖСКАЯ ЗЕМЛЯ В СУДЬБЕ РОССИИ : МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (г. Шенкурск, 6–8 октября 2010 г.)

- Предисловие. Л.Е. Киязева** 233

Раздел I. История

- Едовин А.Г.** Керамика стоянок на Пуйском озере (левобережье Ваги) ... 235

Т.А. ЗИМИНА
(Санкт-Петербург)

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В 2003–2006 гг.

С 2003 г. в Вельском районе состоялись три этнографические экспедиции, участниками которых были сотрудники Российского Этнографического музея (далее – РЭМ) г. Санкт-Петербург и Вельского районного краеведческого музея имени В.Ф. Кулакова (далее – ВРКМ)¹; они проводились в рамках соглашения об оказании научно-методической помощи. Две первых поездки (2003 и 2005 гг.) были организованы ВРКМ, третья экспедиция (2006 г.) входила в плановую работу РЭМ.

Работа проводилась в 35 поселениях Вельского района, располагающихся на территории следующих сельских поселений (далее – с/п)²: Аргуновского – 1, Вельского – 2, Муравьевского – 5, Ракуло-Кокшеньгского – 9, Усть-Вельского – 13, Шоношского – 5. Выбор территории для этнографического обследования был сделан сотрудниками Вельского музея и обусловлен несколькими факторами. Один из главных – деревни, в которых предстояло работать, должны быть старожильческими и с постоянным населением. Немаловажное значение при выборе места имела и возможность обустройства членов экспедиции жильем и получения помощи со стороны местной администрации. Благодаря содействию главы Ракуло-Кокшеньгского с/п А.И. Мартынова и ветерана культуры Н.С. Прибылткова была проведена летняя экспедиция 2006 г.³

По некоторым территориям имеются письменные источники, содержащие этнографический материал, позволяющий сравнить и провести анализ традиционной культуры, ее трансформации. Например, Усть-Подюга – куст деревень, ныне относящихся к Шоношскому с/п, а ранее к Есютинской волости Вельского уезда, – была описана в 1898 г. сыном местного священника Александром Рождественским для «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева⁴. В архиве РЭМ хранятся 8 дел⁵, посвященных этой местности. Работа в деревнях, довольно подробно описанных более 100 лет назад, – несомненная удача для исследователя традиционной культуры. Возникает желание сопоставить не только «этнографические сведения», содержащиеся в рукописи 1898 г. и полученные в 2006 г., но и сравнить их тематическую составляющую,

а также методическую сторону работы корреспондента «Этнографического бюро» и современного этнографа-полевика.

Этнографическая информация встречается и по деревням Ракуло-Кокшеньгского с/п. Эта территория была обследована Северорусской экспедицией 1987–1990 гг., участниками которой были в основном сотрудники отдела восточных славян Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Ленинградское отделение Института этнографии). Итоги полевого исследования были опубликованы в сборнике «Русский Север. К проблеме локальных групп»⁶. Представленный в сборнике тематический материал научно-исследовательского характера также может быть привлечен для сравнения с полевыми материалами по тем же темам, но полученными почти через 20 лет.

Обследованные территории представляют интерес и с точки зрения локальной ситуации, которая связана, во-первых, с ландшафтом местности, в частности, с расселением по рекам. Ракула-Кокшеньгское с/п расположено в низовьях р. Кокшеньга, недалеко от бассейна другой крупной водной артерии – р. Устья; Вельское, Муравьевское, Усть-Вельское с/п – в бассейнах рр. Вага, Вель и Пежма; Усть-Подюга – в месте впадения р. Подюга в р. Вель. В ходе Северорусской экспедиции 1987–1990 гг. в бассейнах этих рек были выявлены «групповые-межпоселенческие общности» – ваганы, кокшары, слобожана и устьяны (усыяны)⁷.

Для понимания местной историко-культурной традиции важно соотнесение современных территориальных границ с прежними административными, церковными, хозяйственными. Согласно административному делению начала ХХ в.⁸, деревни Ракуло-Кокшеньгского с/п, в основном, относились к Усть-Вельской волости Вельского уезда, к Покровскому Ракуло-Кокшеньгскому приходу. Однако в приходе было два культовых центра: один близ д. Козловская – здесь находились приходской Покровский Ракуло-Кокшеньгский храм с двумя престолами (1849), Воскресенская Ракуло-Кокшеньгская церковь с тремя престолами (1791), считавшаяся второй, и кладбище; в д. Коптяевская располагалась приписная к Покровской Ракуло-Кокшеньгской Власиевская Русиловская церковь с двумя престолами (1765) и при ней кладбище⁹. Деревни низовой части р. Кокшеньга с центром в д. Ревдино принадлежали к Леонтьевской волости Вельского уезда и входили в Чадромо-Николаевский приход, представляя собой третью его часть. Поскольку Леонтьевская волость считалась одной из Устьянских волостей, то территории Ракуло-Кокшеньгского с/п можно считать своеобразной пограничной зоной.

Поселения Усть-Вельского с/п в начале XX в. также относились к двум волостям – Усть-Вельской и Никифоровской, здесь находились несколько приходов и сельских обществ. Волостная граница прежде разделяла и другие два обследованных куста деревень – Усть-Подюгу и Нижнюю Подюгу, входивших соответственно в Есютинскую и Тавреньгскую волости Вельского уезда. В настоящее время за поселениями Нижней Подюги проходит граница с Коношским районом.

Каждая из территорий, входивших в зону работы экспедиции, обладала с историко-этнографической точки зрения и некоторой спецификой культуры. Поселения муниципального образования «Вельское», Муравьевского и Усть-Вельского с/п интересны и тем, что расположены в непосредственной близости от г. Вельск. Как известно, исторически дд. Плёсовская (Плёсо) и Дюковская (Кополиха) находились недалеко от границ города, а на сегодняшний день они вместе с г. Вельск и железнодорожной станицей Вага составляют территорию муниципального образования «городское поселение Вельское»¹⁰. И несомненно, что влияние города на жизнь территориально близких к нему деревень была весьма ощутимо.

В ходе полевых исследований проводились: 1) опросы местных жителей и запись информации; 2) визуальное наблюдение и описание ряда компонентов культурного ландшафта; 3) фотофиксация памятников народной архитектуры, природного ландшафта, типов поселений, жилищ и хозяйственных построек, типажей местного населения, предметов быта, видов блюд и способов подачи их на стол; составление планов поселений, усадеб, жилищ; 4) сбор экспонатов / фиксация наличия и употребления предметов традиционного быта в настоящее время; 5) выявление историко-этнографических материалов местных культурно-образовательных учреждений или краеведов и ознакомление с ними. В результате экспедиционной деятельности собрания обоих музеев пополнили коллекции вещевого, фотографического и архивного (информационного) материалов¹¹.

Во время работы экспедиций были опрошены 89 человек (71 женщина и 18 мужчин) 1911–1957 гг. рождения, большинство из них являлись коренными жителями обследованных деревень. В процессе опросов апробировались темы, освещающие практически все стороны жизни традиционного общества в прошлом и в настоящее время, – культура жизнеобеспечения, соционормативная культура, мировоззрение, народная медицина, историческая память и этноландшафт. Вне зависимости от тематики беседы были ориентированы на выявление локальных особенностей культуры и быта, в том числе топонимов,

сакральных объектов местной значимости, разномасштабных (межпоселенческих, селенческих и др.) территориальных групп населения, их номинаций (названий, самоназваний) и представлений о групповой принадлежности. Уделялось внимание записям фольклорных текстов. В полевых материалах они представлены такими жанрами как легенды, былички, предания, поверья, заговоры, обрядовая поэзия, песни и частушки. Особое место занимают стихи уроженца д. Дьяковская Никитинского Константина Петровича, записанные в д. Рылковский погост (Усть-Подюга). Они посвящены жизни родной деревни, крестьянской семьи, ее членов, тесно переплетаемой с историей Родины. Эти сочинения, по существу, являются развернутым историко-этнографическим рассказом, облеченный в стихотворную форму.

Информационный материал охватывает период с 1920-х гг. и до наших дней. Сведения о более раннем времени жизни вельских деревень – фрагментарны. Практически для всех бесед характерно постоянное сравнение прошлого и современности, в котором проявлялись иной раз интересные детали современного бытования традиционных предметов и представлений.

Дать полную характеристику информации, собранной за три полевых сезона, в рамках одной статьи, естественно, сложно, потому коснемся лишь некоторых тем. Одна из них уже была затронута в начале работы при характеристике обследованных местностей, а также письменных источников. В ходе экспедиций были зафиксированы сведения о разного рода и масштаба локальных группах. Некоторые из них имеют названия гидронимического происхождения. Чаще встречались лексемы «устыяны» (устыяки, устыянские, устыянцы) и «пежмари». Обе эти группы, по мнению их соседей, имели некоторые отличительные черты в культуре, им приписывали (и приписываются) определенные поведенческие характеристики. Отмечены и представления о разделении приречных жителей на «верхних» (верховья реки) и «нижних» (низовые). Однако границы таких образований нечетко обозначены, а групповое сознание не всегда выражено, что проявляется и в отсутствии самоназвания, а указанные гидротермины представляются, по образному выражению Т.А. Бернштам, «движущимися»¹². Другого рода территориальные образования, в народе нередко называемые «округа», состояли из 2–8 (а иногда и более) деревень, имели названия, их жители четко осмысливали свою территорию, которую называют теперь «малой родиной», ее границы, указывали на этнокультурные особенности, присущие «своим», тем, кто родился и проживал здесь же, и «чужим», жившим за пределами данной местности.

Особенность культуры населения пригородных деревень заключалась в том, что в представлениях и быту местных жителей довольно четко просматривались противопоставление и единение города и окрестных деревень. С одной стороны, для местных крестьян характерно восприятие города как централизующего начала (средоточие религиозной, общественной, торговой и праздничной жизни, законодатель мод), тяготение к нему, некоторое высокомерное отношение к выходцам из «дальних» деревень и осознание себя по сравнению с ними «культурным населением». С другой стороны – сугубо крестьянская самоидентификация и приверженность деревенскому образу жизни. Этнографические исследования в деревнях этих муниципальных образований оказались весьма своеобразными, т. к. в настоящее время формируются совершенно иные взаимоотношения города и окрестных деревень, последние начинают восприниматься и обустраиваться как дачные поселки или даже коттеджная часть города с соответствующими атрибутами жизни.

Сведения о календарных праздниках, в основном тех, которые отмечены на деревянном календаре, хранящемся в Вельском музее, и их краткое описание были даны в работе О.Г. Барановой¹³. Но обратимся к другим вопросам, возникающим при обобщении и первичном анализе сведений, собранных по теме «календарные праздники». Во-первых, отметим, что для вельских крестьян основными составляющими понятия «праздник» были пивоварение, гостевание и гуляние молодежи, нередко сопровождавшееся дракой. Именно эти компоненты, которые информанты описывали довольно подробно, как известно, характеризуют престольный или деревенский праздник. И действительно праздничную структуру календарного года, согласно полученной информации, составляли в основном деревенские праздники, которые здесь чаще называют «пивные»: большинство информантов в первую очередь перечисляли те праздники, которые отмечали по деревням округи. В Усть-Подюге зафиксирована несколько иная ситуация с деревенскими праздниками. Здесь тема «календарные праздники» оказывалась малоинтересной для местных жителей. Даже описание пивного праздника сводилось к фразе: «Пива варили, весело было», немногие могли перечислить «старинные праздники», которые отмечали определенные деревни дальней и ближней округи. Зато уроженцы соседней Подюги (бывший Нижнеподюжский Воскресенский приход) охотно откликались на просьбу рассказать о праздниках, называя среди прочих и общерусские и местно-чтимые – Осенняя (вто-

рое воскресение после Покрова Пресвятой Богородицы), Конная мольба, или Мольба (второе воскресение поле Петрова дня), Никола (д. Дьяковская), детально описывая их особенности. Кроме того, они называли и праздники соседней Усть-Подюги, деревень бывшего Усть-Подюжского Успенского прихода – Успеньев день, Покров и Троица.

Свяtkи и масленица, также как и деревенские праздники, относятся к часто упоминаемым праздникам, и их описательная сторона связана, прежде всего, с ведущей обрядовой ролью молодежи: хождение наряжух, катание на лошадях. Гуляния, а местами и традиционные развлечения молодежи были непременной составляющей и важных церковных, и советских праздников. Так, качели, устанавливаемые по обычаю в какой-либо весенний праздник – Пасху, Троицу и т. д., продолжали ставить во многих деревнях специально для молодежи до 1960-х гг., хотя сами праздники, как религиозные, не отмечались, а иногда даже и не упоминались.

Реже детально описывают праздники церковного календаря. Особое место среди них занимает Пасха, самые яркие воспоминания о которой связаны с запретом ее отмечания, поэтому она нередко считалась семейным «тайным» праздником. Общественное же, «открытое», празднование Пасхи, также как и других важных православных праздников – Рождества, Крещения – в разные периоды советской власти было связано с детьми. Традиционное хождение детей-славельщиков в Рождество с песнями-молитвами, завершающимися просьбами типа «Тётка, дай пирожок, хлебца, да мучки, овёска на ручку», в ряде мест сохранялось до тех пор, пока действовала церковь. В Пасху детям делали узелки – в платок завязывали пироги и крашеные яйца, или только крашеные яйца – и отправляли с ними на улицу, побегать по деревне, «штоб сразу не съели». «И бегали девчонки, когда маленькие, хвастали друг перед дружкой: у меня яйцо, да у меня яйцо», – вспоминает женщина 1922 г. р.; такой обычай был отмечен еще в 1960-ые гг. В Крещение делали крестики из лучинок, ставили их на улице и вешали на них гостинцы для детей, взрослые объясняли: «Шалыханы поехали, вам там чего-то на крестах оставили». Встречаются сведения, что исполнителями обрядовых действий в Рождество, Крещение, Пасху, Троицу были старики.

Практически повсеместно упоминаются и до сих пор отмечаются календарные дни поминования умерших; в это время обязательным считается посещение кладбища, ношение еды, трапеза и беседы «с родителями» на могилках. Календарное поминование, как правило,

совершается один раз в год, и относят его либо Пасхальному периоду, либо к Троицкому, либо соотносят с деревенским/престольным праздником. В ряде мест в последнее время произошло замещение деревенского праздника поминальным. Связано это с тем, что жители покидают деревни, но считают неукоснительным и даже священным для себя приезжать раз в год – именно в деревенский праздник – на малую родину, чтобы посетить кладбище с совершением обязательных для поминовения действий. Подобное явление прослеживается в основном там, где уже нет деревень.

Тема «праздники», как уже было сказано, поднимает целый пласт вопросов, связанных с религиозной жизнью русского человека и вельского крестьянина в частности. Рассмотрение этих вопросов является весьма актуальным на современном этапе, когда положение православной церкви в государстве и обществе значительно изменилось. В настоящее время мы становимся свидетелями возрождения православных традиций, а иногда возникновения новых обрядов и представлений, хотя некоторые из них в прошлом были несвойственны для местной народной культуры. Воспоминания и размышления о церкви людей разных возрастов позволяют выявить представления вельских крестьян о православии и отношение к нему в прошлом и в настоящее время.

Рассказы о церковных службах, церковном причте, святых местах, представление о православии и православном учении, осмысление места церкви в жизни крестьян и т. д. – явление нечастое. Как известно, эта тема в силу событий XX в. была исключена из общественной жизни местной традиции. Многие информанты свое незнание в этой области объясняют исключительно антирелигиозной политической государства. И для исследовательских кругов в определенные периоды эта тема являлась запретной или малоинтересной, и потому зачастую оставалась незатронутой. Однако минимальность информации по указанным вопросам в настоящее время (особенно в сравнении с другими районами и областями) вызвана, возможно(!), тем, что в большинстве обследованных деревень влияние церкви на сознание и жизнь крестьян было невелико, а знания церковной практики, православных основ крестьянами оставляли желать лучшего. Например, от жителей Нижней Подюги (дд. Зубцовская, Дьяковская, Прилук) были записаны подробные рассказы о церквях, расположенных на «Буевом острове», «Буеве», часовнях, святых источниках, паломниках, священнослужителях и их семьях. В то же время, уроженцы соседней Усть-Подюги на вопросы о церкви, православном учении

отвечали неохотно, а иногда и вовсе игнорировали их. Но и в Усть-Подюге, и в Нижней Подюге церкви были закрыты примерно в одно время, в начале 1930-х гг. Поэтому вряд ли отсутствие информации по этой теме у усть-подюжских крестьян можно связать с историческими событиями второй трети XX в. Возможно, значительная информативность жителей Подюги по теме «народное православие» по сравнению с жителями Усть-Подюги объясняется их интересом к церковной жизни; не случайно в Усть-Подюге подюжен раньше называли «богомолами». Жительница Усть-Подюги, 1923 г. р., так объяснила подобное отсутствие интереса к религии: «У нас наговоров и заговоров не было здесь, у нас народ культурный. Дедушка в Бога верил, а попов не любил».

Особое место в мировоззрении крестьян занимают культовые объекты – церкви и часовни. К ним относится деревянное здание церкви XVIII в. в Ракуле (д. Козловская). Описания внутреннего и наружного убранства культовых построек, и тех, которые уже утрачены, и тех, которые еще сохранились, встречаются в полевых материалах чаще других тем, связанных с религиозной жизнью общества. Однако такие описания обычно сводились к фразе «красиво было, светилось все», а не к детализации и обозначению предметов и икон там находящихся. Отношение к этим объектам, к их современному состоянию, к возможности их восстановления, выявление их значимости среди местного населения позволило в ряде случаев узнать больше о духовной сфере жизни общества на протяжении XX в. Нередко эти постройки, или места, которые они занимают/занимали, называют в народе святыми. Как правило, население с сожалением высказывается относительно разрушения (преднамеренно предпринятого в прежние антирелигиозные времена или происходящего естественным образом в настоящее время) или использования культового сооружения не по назначению. Повсеместно распространены рассказы о наказании тех, кто разрушал церковные здания, а также уничтожал иконы, и о тех, кто сохранял предметы культа, ухаживал за постройкой, о дальнейшей истории икон и утвари из церквей. Многие местные жители, как молодые, так и пожилые, отмечают необходимость реставрации и подновления церквей и часовен, оставшихся с прежних времен, считая, что это будет способствовать возрождению деревни, сохранению исторической памяти и воспитанию подрастающего поколения. Одновременно к возобновлению церковной жизни относятся довольно-таки осторожно.

О святых местах, связанных с христианской традицией (как правило, это святые источники) помнят немногие. По рассказам жителей, святые родники находились близ д. Ленино-Ульяновская (Вознесенская), на Чудиной горе, другой – в месте впадения речки Ложеньга в р. Вага, близь д. Мошково, третий – на берегу р. Подюга, под церковью (Нижняя Подюга), четвертый – близь д. Зубцовская, ныне существующий (Нижняя Подюга). Но, к сожалению, не удалось собрать подробной информации об этих источниках. О святых местах, связанных с именем праведного Прокопия Устьянского, также не зафиксировано сведений. Хотя, по мнению Т.А. Бернштам и Т.Б. Щепанской¹³, Вельский район, в частности территории Ракуло-Кокшеньгского м/о расположена в зоне влияния такого крупного сакрального центра как обитель Прокопия Праведного в с. Бестужево. И о святом источнике праведного Прокопия Устьянского в Устьянском районе, недавно восстановленном и именуемом «источник Белое озеро», жители Ракуло-Кокшеньги также не упоминали.

Немногочисленны рассказы и о так называемых «страшных» местах, где, по словам жителей, происходят видения («малавит»).

К интересным, но редким фактам, полученным в ходе работы с местным населением, можно отнести легенды о времени возникновения поселений, о местах первых поселений и их населенниках (например, о новгородцах и чуди/чуди белоглазой), о захоронениях разбойников и кладах, спрятанных ими. Такая информация единична, получена она, в основном, от мужчин, старожилов или интересующихся (и всегда интересовавшихся) историей, а также краеведов. Так, самый старый житель д. Щелканово (д. Горночаровская, Усть-Подюга), 1922 г. р., рассказывал: «Чудов колодец у нас есть, так, говорят, там чуди жили. Такой народ специальный ходил, меня, может, и не было еще. А может, это легенда. Потому что они вроде выкопали яму, наклали в неё каменья и туда забрались, чуть ли не тысяча. И сами себя каменьями завалили, угробили. Это место так и называется "Чудов колодец", название такое, а колодца нет». Другие полагают, что чуди являлись предками тех усть-подюжских крестьян, чьи фамилии начинаются с буквы «Ч».

В деревнях Усть-Вельского м/о были записаны рассказы о разбойниках и кладах. Вот что сообщает уроженец д. Шиловская (Ивашевича), 1920 г. р.: «Вот речка Муханка здесь есть, километров 15 от Шиловской. И вот в верховьях речки, километров может быть 7, впадает в нее Малая Муханка. Ну, вроде стрелка такая там, бугор песчаный, со-

сняк там такой нарос. И вот в этой стрелке было спрятано золото у разбойников. В старинные годы были разбойники. И там они прятали золото. И там много груздей росло. Там был сенокос, там был у нас сеновал, у бати. И я там ночевал не один раз. И я запомнил это, всё ж я интересовался этим местом, там было всё копано, ямы. Были такие глубокие ямы, в одном месте, в другом месте. Весь этот мыс был ископан. Старые ямы-то, уже заросли или засыпались. Видимо глубоко пахали. Но так чтобы кто нашел чево – я не слыхал. Но говорили, что там было спрятано». Достоверность такого рода легенд подтверждается самим рассказчиком дважды: несомненная правота источника – «старики рассказывали», и собственные наблюдения – лично проверяют и указывают на детали ландшафта, в которых видят явные свидетельства подтверждения того, о чем говорили.

Следует немного сказать и о сохранении элементов традиционного предметного мира в современной вельской деревне. В некоторых семьях до сегодняшнего дня используют в быту или для украшения жилого и усадебного пространства ряд традиционных предметов – отдельные виды глиняной и деревянной утвари (например, для пивоварения, хранения зерна или муки, для скотины), половики, реже, полотенца, но это лишь остатки традиционной материальной культуры. Иногда предметы старины передавались и передаются следующему поколению, но лишь как память о рукодельных или состоятельных предках. В большей степени сохраняется сельская архитектура. Но желание хозяев усовершенствовать свою усадьбу приводит к естественному ее исчезновению и изменению в целом поселенческого ландшафта. Нередко сотрудники экспедиции имели возможность познакомиться с традиционной организацией жилого и хозяйственного пространства только с помощью фотографий и описаний, сохранившихся у информантов, краеведов или в местных музеях.

Данные, полученные в течение трех полевых сезонов, позволяют расширить уже имеющуюся информационную базу этнографических материалов по Вельскому району. Отдельные узко тематические вопросы были уже освещены в статьях, посвященных проблемам полевой этнографии и различным компонентам традиционной русской культуры¹⁵. Была сделана и попытка сравнить материалы разных временных периодов. Это сравнение представило нам яркую картину исчезновения традиционной культуры.

Об этом свидетельствует и то, что основными носителями этнографической информации являются представители старшего поколе-

ния. Они же зачастую отмечали, что на многие интересующие нас вопросы ответить не могут, а «старики» – те, кто «знал», уже давно умерли. К сожалению, собранные экспедиционные материалы не могут в полной мере отразить весь пласт традиционной культуры Вельского района и его отдельных местностей. В ходе опросов далеко не все компоненты культуры были подробно освещены. Тематически преобладают описания хозяйственной и соционормативной жизни, занятий и ряда элементов материальной культуры, т. к. именно они вызывали интерес практически у всех опрашиваемых. По-видимому, эта часть культуры в 1920-60-ые гг. (а может даже на протяжении первых двух третей) не претерпевала таких значительных изменений, как духовная жизнь местных крестьян. На формирование мировоззрения представителей старшего и последующих поколений, несомненно, наложила отпечаток историческая ситуация, сложившаяся в это время, и характеризующаяся, в частности, борьбой с церковью, народными верованиями и представлениями. Сложность получения информации по таким темам, как народная демонология, представления о сверхъестественной силе, можно объяснить и тем, что до сих пор эта сфера культуры относится к области сакрального. Кроме того, сельские жители, как старшего, так и среднего поколений, не желают представлять перед ведущим опрос (приехавшим из города, из столицы) темным и невежественным. Не будем также забывать, что выбор темы для опроса зависит и от исследователя.

Для того чтобы получить более полную картину жизни традиционного общества и провести дальнейшие сравнения, необходимо продолжать историко-этнографические обследования с увеличением числа информантов и территории обследования. Следует учитывать, что с каждым годом становится все меньше и меньше носителей традиционной культуры и тех, кто может дать информацию о ее состоянии в недалеком прошлом.

¹ РЭМ был представлен научными сотрудниками отдела этнографии русского народа О.Г. Барановой и Т.А. Зиминой, ВРКМ – научными сотрудниками Г.А. Веревкиной, Т.Н. Зыковой, Е.И. Киналь, Л.В. Макаровской, Т.Н. Цаплинской.

² Данные по административному делению см.: О статусе и границах муниципальных образований в Архангельской области: обл. закон; принят Архангельским областным собранием депутатов 23 сент. 2004 г., № 884 // URL <http://nvk520.narod.ru/municipal/arhangelsk23092004.html>; 26.01.2010.

³ Большая благодарность всем, кто оказывал посильную помощь членам экспедиции.

⁴ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2007. Т. 5: Вологодская губерния, ч. I: Вельский, Вологодский уезды.

⁵ Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 99–107.

⁶ Русский Север. К проблеме локальных групп.

⁷ *Бернитат Т.А.* Локальные группы Двинско-важского ареала: духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: к проблеме локальных групп. С. 216.

⁸ Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Т. 4: Вельский уезд. Вып. 2. Вологда, 1909.

⁹ Православные приходы и монастыри Севера [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=122> (дата обращения: 19.04.2012).

¹⁰ О статусе и границах муниципальных образований в Архангельской области : обл. закон; принят 23 сент. 2004 г.

¹¹ РЭМ: Колл. № 12137, 12387 (вещевые); колл. № 12136, 12316, 12387, 12404, 12405 (фото); Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 138, 139, 177, 178, 191, 192, 193 (полевые дневники); ВРКМ КП 9242–9247; н.-всп. ф. 1840 (копии полевых дневников).

¹² *Бернитат Т.А.* Указ. соч. С. 211.

¹³ См.: *Баранова О.Г.* Вельский резной календарь: полевые исследования 2003–2006 гг. // Международная научная конференция «Полевая этнография – 2006» : материалы конф. СПб., 2007. С. 190–194.

¹⁴ *Бернитат Т.А.* Указ. соч.; *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. С. 115.

¹⁵ См.: *Баранова О.Г.* Вельский резной календарь: полевые исследования 2003–2006 гг. // Международная научная конференция «Полевая этнография – 2006» : материалы конф. СПб., 2007. С. 190–194; *Зимина Т.А.* Традиционные гуляния молодежи на территории Усть-Вельской сельской администрации Вельского района (по материалам этнографической экспедиции 2003 г.) // Важский край: источникование, история, культура. Вельск, 2006. С. 69–80; *Она же.* Полевые исследования в деревнях Вельского р-на, описанных в материалах архива «Этнографическое бюро» князя В.Н. Тенишева // Международная научная конференция «Полевая этнография – 2006» : материалы конф. СПб., 2007. С. 184–190; *Она же.* Традиционные блюда крестьян Вельского района Архангельской области по материалам «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева и полевым исследованиям 2003–2006 гг. // Питание в культуре этноса : материалы Шестых Санкт-Петербургских чтений. СПб., 2007. С. 26–33; *Она же.* Локальные группы Вельского района Архангельской области (по полевым исследованиям 2003–2006 гг.) // Материалы Восьмых Санкт-Петербургских чтений. СПб., 2009. С. 90–97; Международная научная конференция

«Полевая этнография – 2006» : материалы конф. СПб., 2007. См. также: Электронный ресурс – режим доступа: http://epr.iphil.ru/faily-publikacii/Polevaya_ethnografiya_2007.pdf(дата обращения: 26.01. 2010).

Е.Ф. ЛУЦКОВСКАЯ
(Северодвинск)

ЭКСПЕДИЦИИ В БЫВШИЙ АМБУРСКИЙ СКИТ: ИЗ ОПЫТА СЕВЕРОДВИНСКОГО ГОРОДСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Старообрядческие скиты появились на Русском Севере в конце XVII в. в результате реакции на церковные реформы, проведенные патриархом Никоном, и последующий раскол церкви. На отдаленный Север началось переселение противников исправления богослужебных книг, порядков, церковного управления, обрядов в церковной службе. Раскольники основали многочисленные поселения – старообрядческие скиты, которые отличались особым укладом жизни, определяемым старыми воззрениями, обычаями и обрядами. На Русском Севере был 31 старообрядческий скит – в Подвинье, на Мезени, на Печоре и по всему беломорскому побережью¹. По официальным данным, в Архангельском уезде Архангельской епархии в 1891 г. чисились следующие скиты: Половой, Слободской, Малолахотский, Большекородской, Белозерский, Пертозерский и Амбурский.

Среди этих скитов Амбурский (Амбургский, Анбургский) пользовался наибольшей известностью и популярностью. Он располагался в 50 км от Архангельска, за болотами сел Рикасиха и Кудьма. Скит был известен староверам не только в Архангельской губернии, но и в обеих столицах Российской империи, откуда поступали богатые дары от ревнителей старой веры. Добраться в этот скит было трудно, т. к. находился он в самых глухих местах. Дорог к нему не было, а пройти можно было только по тропинкам, проложенным по болотам, да и то не во всякое время года. Летняя пешеходная дорога в скит проходила по проложенным для этой цели доскам («рыбинам»); такое путешествие не всегда являлось безопасным. Зимой можно было проехать по озерам, моховым болотам и тундрам на санях на одной лошади, да и то при неглубоком снеге².

Об Амбурском ските нет специальных исследований, сохранились